

Хотя они провели вместе не так уж много времени, Сюй Цзэ всё же чувствовал, что знает Ши Яня невероятно хорошо. Это ощущение было не просто результатом частых встреч, а скорее чем-то, что было высечено в самой его душе. Как говорил брат, они «в прошлой жизни были вместе».

В комнате царил тишина. Сунь Тун сидел в углу, беспокойно переводя взгляд с Ши Яня на Сюй Цзэ, и едва осмеливался дышать.

Прошло какое-то время, и внезапно за дверью раздались шаги.

Сюй Цзэ резко повернулся к входу, а Сунь Тун тут же бросился к выходу, навстречу Сунь Ханю, который шёл быстрым шагом.

— Брат, быстрее! У Сюй Цзэ брат очень болен!

Услышав это, Сунь Хань ускорил шаг. Войдя в дом, он осмотрел Ши Яня, приподняв ему веки. Улыбнувшись обеспокоенному Сюй Цзэ, он успокоил его:

— Ничего страшного, у твоего брата просто жар и усталость. После лекарств он поправится. Можешь налить немного горячей воды? Когда она остынет, дай ему две таблетки, и он скоро поправится.

— Хорошо!

Сюй Цзэ схватил кружку и побежал к чайнику.

Сунь Тун поспешил помочь, осторожно наливая горячую воду в кружку Сюй Цзэ.

— Брат, брат, прими лекарство.

Сюй Цзэ поддерживал голову Ши Яня, продолжая звать его.

Ши Янь приоткрыл глаза, сначала увидев Сунь Ханя, затем взгляд его упал на Сюй Цзэ, стоявшего на коленях рядом. С помощью Сунь Ханя и Сюй Цзэ он сделал глоток тёплой воды и проглотил три капсулы лекарства, после чего снова лёг.

Глядя на расстроенное лицо Сюй Цзэ, Ши Янь почувствовал боль в сердце. Ему хотелось сказать несколько утешающих слов, но головокружение и тошнота не давали ему собраться с мыслями. Он сжал грудь, пытаясь успокоить дыхание.

Незаметно для себя он уснул.

Сунь Хань сменил полотенце на лбу Ши Яня и, увидев, что Сюй Цзэ всё ещё смотрит на брата, не удержался и похлопал его по плечу:

— Не бойся. Когда твой брат проснётся, жар уже спадёт. Ты устал? Может, тоже поспишь? Я останусь здесь.

Сюй Цзэ покачал головой, крепко сжав руку Ши Яня. Через некоторое время он тихо проговорил:

— Ничего, я подожду, пока брат проснётся...

— Брат...

Сунь Тун невольно схватился за подол одежды Сунь Ханя, его лицо выражало беспокойство.

Сунь Хань взглянул на него, погладил по голове и тихо сказал:

— Не бойся. Мы останемся здесь, пока жар у брата Сюй Цзэ не пройдёт, а потом пойдём домой, хорошо?

— Хорошо. Но...

Сунь Тун замялся, нахмутив брови.

— Бабушка, когда вернётся, увидит, что мы не приготовили ужин...

— Ничего страшного.

Сунь Хань прервал его, обняв худенького и невысокого Сунь Туна. Его лицо смягчилось, а голос стал почти шёпотом.

— Худшее, что будет — папа меня отлупит. Я тебя защищу.

— Нет,

в голосе Сунь Туна слышались слёзы.

— Я не хочу, чтобы тебя били. В прошлый раз ты несколько дней пролежал в постели...

Сказав это, он заплакал.

— Тсс...

Сунь Хань наклонился, вытирая слёзы Сунь Туна, и прошептал:

— Я пойду позову дядю Тана и тётю Сунь, пусть они присмотрят за братом, а потом мы пойдём домой, хорошо?

— Хорошо.

Сунь Тун ответил сквозь слёзы.

Сунь Хань чувствовал себя немного беспомощным. Он понимал, что Ши Янь, возможно, не хотел, чтобы тётюшка Сунь и дядя Тан узнали о его болезни, и не хотел ни от кого зависеть. Но слова Сунь Туна задели его собственные опасения. Он сам был крепким, и пара ударов для него не имели значения, но Сунь Тун был ещё маленьким, и, если их отец случайно перестарается...

После некоторых раздумий Сунь Хань всё же решил пойти на поле и сообщить дяде Тану о том, что у Ши Яня жар.

Однажды Сунь Хань случайно нашёл вещь, которую обронил Тан Аньминь, и поспешил вернуть её. С тех пор Тан Аньминь относился к Сунь Ханю с симпатией. Именно он рассказал Сунь Ханю о том, что Ши Янь и Сюй Цзэ переехали к ним.

Тан Аньминь и Сунь Сю весь день были заняты на поле и не могли зайти. Услышав новость от Сунь Ханя, они оба удивились, бросили грабли и корзины и побежали во двор. Сунь Хань,

увидев, что уже темнеет, с беспокойством оглянулся на задний двор и, в конце концов, с тревогой повёл Сунь Туна домой.

К счастью, когда Тан Аньминь и Сунь Сю вошли в дом, дыхание Ши Яня уже стало ровнее, а краснота на лице постепенно спадала.

Сюй Цзэ продолжал держать руку Ши Яня, и Сунь Сю, несмотря на все уговоры, не смогла его отвлечь. В итоге она отправилась на кухню, чтобы приготовить Сюй Цзэ яичный пудинг для укрепления сил.

Тан Аньминь принёс воду и несколько раз обтёр тело Ши Яня. После этого дыхание того окончательно успокоилось.

Возможно, лекарство начало действовать.

— Сяо Цзэ, когда у твоего брата начался жар?

— спросил Тан Аньминь.

— Когда он проснулся,

подумав, ответил Сюй Цзэ.

— В четыре двадцать.

— Уже почти шесть часов прошло, два часа. Почему ты не позвал нас?

Тан Аньминь нахмурился, его голос стал строже.

Сюй Цзэ крепче сжал руку Ши Яня, прикусил губу, его лицо сморщилось, но он ничего не сказал.

— Эй...

Сунь Сю толкнула Тан Аньминя, упрекая его.

— Не пугай его. Его брат заболел, разве ты не видишь, как ему тяжело? Думаю, это всё из-за его брата. Если бы Ши Янь заранее не предупредил его, разве Сяо Цзэ не позвал бы нас?

Тан Аньминь снова бросил взгляд на Ши Яня, закрывшего глаза, и сердито фыркнул:

— Этот парень! Вечно считает нас чужими. Если ты такой крутой, почему тогда не встаёшь?

Сунь Сю рассмеялась и подтолкнула его к выходу:

— Ладно, ступай нагрей воды. Потом помой Сяо Цзэ: горячая вода продезинфицирует, чтобы он не заразился от Ши Яня.

Тан Аньминь снова фыркнул и вышел.

— Сяо Цзэ.

Сунь Сю обняла мальчика, утешая его.

— Это не твоя вина. Виноват твой брат. Кто ему разрешил болеть без твоего разрешения?

Сюй Цзэ сжал губы, и слёзы, которые он сдерживал, потекли по щекам.

— Брат хотел заработать денег, чтобы я мог учиться. На улице слишком жарко, брат очень устал...

Сунь Сю на мгновение замерла, чувствуя, как в её сердце поднимается волна горечи. Она посмотрела на Ши Яня, лежащего на кровати, и на худенького Сюй Цзэ, и её глаза тоже наполнились слезами.

Но в конце концов, Ши Янь не был избалованным человеком. С самого детства он был как камень на обочине дороги: мог украсть еду, быть пойманным и избитым, или зимой прыгнуть в реку, чтобы искупаться. Болезнь или жар для него были чем-то обыденным, и он быстро поправлялся.

Эта простуда, хотя и началась бурно, оказалась не такой серьёзной. К полуночи, когда Сюй Цзэ снова потрогал лоб Ши Яня, жар уже спал, и Сунь Сю с Тан Аньминем смогли наконец пойти спать.

На следующее утро Ши Янь проснулся. Голова ещё кружилась, а горло было сухим, но тело больше не бросало то в жар, то в холод. Повернув голову, он увидел Сюй Цзэ, лежащего рядом. На лице мальчика остались следы слёз, брови были слегка нахмурены, а руки крепко обхватывали его руку. Сюй Цзэ спал беспокойно.

Ши Янь почувствовал боль в сердце и досаду. Боясь заразить Сюй Цзэ, он сдержал желание обнять мальчика и, опираясь на изголовье кровати, сел. Посмотрев на Сюй Цзэ ещё немного, он не удержался и провёл пальцем по его брови, слегка погладив её. В прошлой жизни такое выражение лица у Сюй Цзэ появлялось, когда он возвращался домой весь в синяках.

С лёгким вздохом Ши Янь неотрывно смотрел на Сюй Цзэ, который придвинулся к нему ближе, но в голове у него гудело от боли.

Только сейчас Ши Янь осознал, что у него действительно есть воспоминания о прошлой жизни, включая встречу с Сюй Цзэ, их знакомство, совместные трудности и те дни, когда они делились последним куском еды. Поэтому после перерождения, когда Сюй Цзэ сразу проявил к нему необычное доверие, Ши Янь легко объяснил это тем, что между ними есть незримая связь, и чувствовал некое предопределённое удовольствие.

В прошлой жизни Сюй Цзэ почти льнул к нему, но Ши Янь почувствовал, что мальчик перестал опасаться его только через полгода. В этой жизни... он думал, что его доброе отношение успокоило Сюй Цзэ.

Но теперь стало ясно, что Сюй Цзэ всё ещё был неспокоен.

Он даже не мог представить, насколько глубоко было это беспокойство.

<http://bllate.org/book/16628/1522955>